

СНОВА ОБРАЩАЯСЬ К БРЕХТУ

Известный итальянский режиссер Джорджо Стрелер уже в третий раз (на протяжении 30 лет) поставил знаменитую пьесу Брехта «Трехгрошовая опера». Это объясняется тем, что она по-прежнему сохраняет свою остроту и непреходящую злободневность, беспощадно бичуя пороки современного буржуазного общества.

Аджео САВИОЛИ

«УНИТА», РИМ.

«С О В Р Е М Е Н Н О Е звучание «Трехгрошовой оперы» — это недобрый знак — такой, чисто брехтовской фразой Джорджо Стрелер предваряет свою новую постановку в Париже знаменитой пьесы, сопровождаемой не менее знаменитой музыкой Курта Вейля. Это уже третье его обращение к пьесе Брехта после постановок 1956 и 1973 годов.

Да, современное звучание «Трехгрошовой оперы» — это недобрый знак. Ведь это означает что, по сути, общество, против которого обращена «злая и пронизывающая» прона Брехта, осталось прежним. Мы бы даже рискнули добавить что новое заключительное четверостишие, продиктованное драматургом 30 лет назад в Милане и заменившее мрачную концовку первой редакции, сегодня звучит как никогда утопично: тот день, когда «восторжествует гуманность», кажется, уходит от нас все дальше.

Новую инсценировку «Трехгрошовой оперы» можно отнести к явлениям Европейского Театра: собрать в едином спектакле поистине интернациональную труппу — это само по себе гражданский и артистический подвиг. Вся буржуазная Европа, как в зеркале, может увидеть себя в сатире выдающегося немецкого писателя. Звучит его собственный голос, полный волнения, — он напевает вступительный зонг: «Нищие нищенствуют, воры воруют, гулящие гуляют». Как бы иллюстрируя эти слова, влияют на еще пустую сцену фигуры актеров. Затем появляются и декорации (выполненные верным соратником Стрелера Эцио Фриджерно), умело и с глубоким подтекстом воспроизводящие различную «среду обитания». Лейтмотив сценического решения — два светящихся колеса, напоминающих о луна-парке или цирке, и движущиеся световые надписи, заменившие традиционные плакаты.

Действие перенесено из Англии, где в XVIII веке родилась вдохновившая Брехта «Опера нищих» Джона Гей, в Соединенные Штаты и происходит в период, предшествующий кризису 1929 года. Временные рамки довольно размыты. В первом акте и ритмы и мизансцены воскрешают эпоху немого кино. Полицейские в мундирах буквально вышли из ранних чаллинских фильмов. Сцена в гараже, где играют свадьбу Мэкки и Полли, решена в духе голливудских гангстерских фильмов, и, хотя ничего кровавого в ней не происходит, она напоминает «ночь святого Валентина» (неоднократно воспроизведенный в кинема-

Персонажи «Трехгрошовой оперы»: Полли (Барбара Зукова), Джени (Мильва), Мэкки (Михаэль Хельтау), Пичем (Ив Робер), Селия Пичем (Дениз Жанс).

Фото «Экспресс», Париж.

тографе эпизод, когда чикагский гангстер Аль-Капоне уничтожил всех своих конкурентов. — Ред.). Есть в спектакле моменты, заставляющие вспомнить и «комедию нравов» и уж, конечно, мюзикл.

Но если вдуматься, изображенные типы и ситуации гораздо ближе к нашему времени, чем кажется поначалу. Мэкки в исполнении австрийца Михаэля Хельтау и Полли, сыгранная популярной западногерманской актрисой Барбарой Зуковой, несут в себе явное германское начало. Это еще более подчеркнуто внезапными переходами в игре и пении на немецкий язык, эффектно прерывающими плавное течение французского спектакля в переводе самого Стрелера и Мириам Танан. В немецком и австрийском театре и кино существует давняя опереточная традиция. Именно ее использовал режиссер как средство сатирического иносказания. А грандиозная по цветовому и пластическому решению сцена в борделе во многом подсказана живописью Жоржа Гроса (1893—1959: немецкий график и живописец, обличавший буржуазный строй в работах, выполненных в остро-гротескной манере. — Ред.).

С другой стороны, шеф полиции Браун по кличке «Тигр» (актер Жан Бенгиги), друг и однопольчанин бандита Мэкки, всем своим обликом добродушного толстяка воплощает тип администратора, чиновника, защитника правопорядка, дающего и берущего взятки, который с такой полнотой обрисован французской литературой, театром и кинематографом. Словом, перед нами проходит целая галерея социальных типов, весьма разнообразных, но узнаваемых, имеющих определенные исторические корни и отобразенных в европейской культуре. Таким образом, пародийное обыгрывание американских реалий не может никого обмануть. Страшная правда, которую «Трехгрошовая опера» подает в блестящей оболочке иносказания, сказки, во всем по праву принадлежит нам, европейцам, сегодня не в меньшей мере, чем вчера.

Роль Пичема исполняет Ив Робер, прекрасный французский актер, известный также своими режиссерскими работами в кино. Ведет он ее великолепно, тонко, без нажима, обогащая образ черточками, свойственными южному, средиземноморскому типу. Его сопровождает нетвердая на ногах от частых возлияний, но неутомимая в своих цинических устремлениях госпожа Пичем, которую с блеском играет Дениз Жанс, актриса огромной культуры. Она сумела обыграть даже травму (перелом левого запястья), полученную накануне премьеры, превратив ее в последний штрих своего сценического облика.

Среди женских персонажей, отдавая должное Зуковой, которая играет с большой отдачей, следует признать бесспорное лидерство Мильвы. Как и в постановке 1973 года, она играет роль Джени, хозяйки борделя. Музыкальное руководство спектаклем осуществил Петер Фишер. Зрелище разворачивается по нарастающей, все больше захватывая внимание, все больше вызывая аплодисментов.

«Трехгрошовую оперу» играют в театре «Шатле» (более двух тысяч мест). Она будет идти до 8 февраля. Должно быть сыграно 162 спектакля. На представлении, где присутствовал министр юстиции Италии Роньони, ему шутиливо была адресована следующая брехтовская максима: «Наши судьи абсолютно неподкупны: ни за какие деньги нельзя заставить их судить согласно закону».